

Глава 29

Нежный снег ложился на кончики волос, оседал на плечах, таял на протянутой руке мужчины. Он затуманил ресницы, увлажнил взгляд, и сам воздух, казалось, застыл, замедлился, стал зыбким и нереальным.

Шесть лет назад он сделал Хо Яню... что?

Гу Тин растерялся. Он не только не мог вспомнить, но и сама фраза прозвучала донельзя двусмысленно.

«Эй, Хо, ты всё-таки князь, можешь говорить нормально?!»

Он увернулся от большой ладони, собиравшейся лечь ему на голову, но этого показалось мало. Пришлось отступить на шаг, чтобы сохранить хоть какое-то подобие достоинства. Гу Тин яростно сверкнул глазами на Хо Яня. И что с того, что ты высокий! Это даёт тебе право так издеваться?

Юноша выглядел свирепо, его глаза округлились, словно у взъерошенного котёнка, но даже в его угрозах слышались молочные, мягкие нотки — немного гордые, немного капризные. От этого хотелось лишь снова взлохматить его непослушные волосы.

Ладонь осталась пустой, но в пронёсшемся ветерке, казалось, ещё сохранилось ощущение тепла и прикосновения.

Хо Янь сжал руку в кулак и с ноткой безысходности вздохнул:

— Шесть лет назад на северных землях была война.

— Я знаю.

Взгляд Гу Тина стал сложным. В той битве этот мужчина потерял многих родных.

Он не стал вдаваться в подробности, и выражение лица Хо Яня почти не изменилось, лишь голос, растворяясь в ветре, стал каким-то далёким:

— Тогда я ненавидел себя за то, что опоздал всего на шаг и не смог никого спасти.

— Ты... — Гу Тин хотел его утешить, но почувствовал, что Хо Яню это, скорее всего, не нужно, и после паузы спросил: — А потом?

Хо Янь посмотрел ему прямо в глаза.

— А потом я был благодарен. Благодарен за то, что успел запомнить последнюю картину. Что смог лично похоронить своих родных.

Когда всё было предрешено, даже если бы он вернулся на час, на полдня раньше, исход был бы тем же. Разве что, зная он о заговоре за много дней до этого, смог бы подготовиться и нанести ответный удар. Но время вспять не повернуть.

Возможность увидеть всё своими глазами, запечатлеть этот момент в своей плоти и крови, возможность страдать и помнить — за это стоило быть благодарным.

— Я успел лишь потому, что у меня была лошадь. И эту лошадь мне одолжил ты.

— А? — Гу Тин моргнул и недоверчиво указал на себя. — Я одолжил тебе... лошадь?

Глядя на растерянного юношу, Хо Янь смягчился. В глубине его глаз зажглась явная усмешка, и голос потеплел.

— Это была маленькая белая лошадка, ещё не очень старая. Вся белоснежная, только вокруг глаз и на ногах — чёрные пятна. Выглядела она... весьма необычно. Ты звал её Сяо Хуа.

Гу Тин замер, ошеломлённый.

Этот мужчина играет не по правилам... Таким тёплым взглядом, таким нежным голосом произносить «Сяо Хуа» — имя, совершенно не вяжущееся с его образом. Людям нравятся не только «отважные герои-воины», но и те, в ком «тигр в сердце нежно нюхает розу». Когда безликий Яма внезапно становится нежным, кто сможет устоять?

Он почувствовал, что его глаза вот-вот ослепнут. Серьёзно. Он ненавидел таких людей: красивых и талантливых, которые к тому же не кичатся своим талантом, готовы снизить до простых смертных. А глаза у него — глубокие и ясные, словно отражающие всё ночное небо, перед которым меркнут и звёзды, и луна. Он всегда знал, что князь-защитник Севера красив, но не думал, что до такой степени!

Видя его одурманенное состояние, Хо Янь согнул палец и легонько щёлкнул его по лбу.

— Вспомнил?

Гу Тин рассеянно потёр лоб.

— Кажется... было что-то такое.

Тогда тоже была зима, очень-очень холодная. Такая, что угли в жаровне не грели, а вода мгновенно превращалась в лёд. Без горячего супа было не выжить. Вся семья Гу была в столице, а он, непутёвый, всего лишь бастард, вздумал пойти против законного наследника Гу Цинчана и в итоге был сослан в старое поместье в Цзиньяне.

Слуги в старом доме были прожжёнными хитрецами. Кто станет носиться с ним, как с настоящим молодым господином? Никто и не пошевелился. Мёрзнешь — сам ищи дрова и уголь. Голоден — сам ищи еду. Именно тогда он научился и в совершенстве освоил искусство колки льда и ловли рыбы для супа.

Правда, поначалу ничего не получалось. Он падал в голодные обмороки на берегу озера, так и не поймав ни одной рыбки.

Однажды, в полузабытьи, он почувствовал, что его кто-то кормит. С трудом очнувшись, он никого не нашёл. Он даже не знал, кто был его спасителем. Это разозлило его ещё больше. Он вернулся домой, украл лошадь — ту самую, по кличке Сяо Хуа — и отправился в горы. Он знал, что на склоне есть большое озеро, и в нём много рыбы. В тот день он почему-то был абсолютно уверен, что наестся досыта!

Сяо Хуа не была ни крупной, ни сильной, в конюшне на неё никто не обращал внимания, и слуги редко её брали. Только он время от времени тайком выводил её на прогулку, и никто этого не замечал.

Возможно, упорство наконец принесло плоды. Это был его первый удачный улов. Он не провалился под лёд, а рыба была большой и жирной! Он до сих пор помнил то чувство ликования, от которого небо казалось ярче.

Поймав рыбу, он, конечно же, тут же принялся её готовить. И только собрался есть, как увидел под деревом человека. Может, тот только что пришёл, а может, сидел там уже давно — он не заметил.

Человек выглядел молодо, ещё не достигшим совершеннолетия. Он был в рваной, грязной одежде, на руке виднелась рана, губы потрескались и потемнели. Он был так измождён, что, казалось, не мог и пошевелиться.

Неизвестно почему, возможно, от радости удачной рыбалки, он, обычно такой голодный и ревниво оберегающий свою еду, впервые захотел поделиться.

— Будешь? — спросил он.

Но тот человек улыбнулся.

— Ешь сам, я ещё не настолько голоден.

Несмотря на жалкий вид и сочащуюся кровью рану, его улыбка, обнажившая белые зубы, была красивой, ясной и светлой, с едва уловимой ноткой насмешки.

Тогда Гу Тин почувствовал какое-то несоответствие, но не придал этому значения. Не хочешь — не надо, ему и самому мало! Он лишь поделился с ним горячим бульоном.

Тот поблагодарил и сказал, что ему нужно спешить и он не может долго отдыхать.

Возможно, от сытости настроение у Гу Тина было хорошим, и, увидев его рваную обувь, он пожалел его.

— В таком виде и в путь? Тебе далеко идти?

Тот опустил глаза, его голос стал хриплым.

— Да, очень далеко.

— Раз так далеко, почему не на лошади?

— Лошадь пала.

Гу Тин заколебался. Он посмотрел на свою лошадь, и сердце его сжалось от жалости.

— Тогда... если я одолжу тебе Сяо Хуа, ты обещаешь, что она не умрёт?

Тот, казалось, удивился. Он посмотрел на него, потом на лошадь неподалёку. Неизвестно почему, его губы треснули и пошла кровь, словно он сжал их с невероятной силой.

— ...Хорошо.

В тот момент Гу Тин почувствовал, что этот человек дал ему невероятно важное обещание. Его взгляд, скрытый за грязью и ранами, он, должно быть, помнил до сих пор — такой яркий, горячий, устремлённый вперёд, не знающий отступления.

Вот такой была история Сяо Хуа и того человека. Почему же он её забыл?

Гу Тин задумался. Наверное, потому что... потом появился Цзян Муюнь. С его неповторимой элегантностью и благородством, с его особенной теплотой и заботой. Ему,

одиннадцатилетнему, жаждущему любви и внимания, было невозможно не поддаться его очарованию.

Цзян Муюнь спас его, помог ему, прошёл с ним через множество трудностей в ту тяжёлую зиму.

Хмурое небо, холодный снег... Тот Новый год был таким счастливым и радостным только благодаря Цзян Муюню.

Гу Тин поджал губы.

— Прости, я забыл.

Забыл тебя и Сяо Хуа.

— Хочешь увидеть Сяо Хуа?

Глаза Гу Тина загорелись.

— Она ещё жива?

— Я никогда не нарушаю обещаний, — небрежно произнёс Хо Янь, словно в этом не было ничего особенного. — С ней всё хорошо. Просто она уже старовата и не годится для военной службы, живёт в поместье.

Глаза Гу Тина защипало. Сяо Хуа... его маленькая лошадка. В те серые, безрадостные времена у него не было ни друзей, ни родных. Сколько ночей он, обхватив колени, сидел у конюшни и рассказывал ей свои печали. Сяо Хуа была единственным другом, который его слушал.

Как он мог, как он посмел, после появления Цзян Муюня, всё забыть?

— Ничего, она, наверное, тоже тебя не помнит.

Гу Тин замолчал.

Какой же невыносимый человек!

— Но она очень умная. Если ты будешь с ней ласков, она обязательно тебя вспомнит.

Гу Тину всё ещё было стыдно.

— Угу.

— От рассеянного хозяина, который даже не замечает, как его кормят в голодном обмороке, многого и не ждёшь. Сяо Хуа поймёт.

— Угу... что?

Гу Тин внезапно замер, вспомнив события того дня.

— ...Это ты меня накормил?

Хо Янь вскинул бровь.

— А кто же ещё?

Сердце Гу Тина сжалось. Он думал, это был Цзян Муюнь...

Поэтому, когда они встретились снова и он предложил Хо Яню рыбу, тот с лёгкой насмешкой сказал: «Я ещё не настолько голоден». Тогда он лишь почувствовал какое-то несоответствие, но не придал этому значения. А теперь... Хо Янь просто подшучивал над ним.

Встретив Цзян Муюня, он спросил, не он ли ему помог. Цзян Муюнь не стал отрицать, да и он действительно ему много помогал. Теперь, думая об этом, он понимал, что это было недоразумение.

Всё-таки он был ещё юн и застенчив. Он не осмелился прямо спросить: «Это ты накормил меня сухарями?», а лишь спросил, не он ли ему помог. А Цзян Муюнь никогда не отличался скромностью. Зачем упускать такую возможность? Зачем отказываться от чужой заслуги? Это лишь усилит его благодарность. Да и что с того? Даже если бы потом всё выяснилось, он всегда мог бы сказать, что Гу Тин сам неясно выразился, и легко бы выкрутился.

Именно с этого момента, с этой «благодарности за еду», с этой «зимы, проведённой вместе», он постепенно попал под влияние Цзян Муюня, а потом... увяз в болоте, из которого не мог выбраться.

Он сам был глуп, некого винить.

Оказывается, он встретил Хо Яня ещё шесть лет назад...

Время летело, красота увядала, но сердца оставались прежними. Постепенно образ грязного, измождённого юноши с остатками мальчишеской нескладности слился с образом мужчины

перед ним. Тот же овал лица, те же яркие, горячие глаза, та же устремлённость вперёд. Только улыбка его стала менее заметной, уже не видно было белых зубов, а его аура стала острее, пронизанной холодом битв, благородной и неприступной.

— Ты сейчас... не такой красивый, как тогда.

Хо Янь посмотрел на него.

— А ты всё так же красив.

Гу Тин снова замолчал.

— Когда мы встретились в Павильоне Алой Ткани, ты меня узнал?

— Да.

— Тогда почему ты сразу не...

— Мне нужно напоминать тебе, что тогда произошло?

Гу Тин закашлялся, поперхнувшись воздухом. Нет, умоляю, не надо! Не говори больше!

Какой позор! При первой же встрече он приставил нож к горлу Хо Яня, а потом Хо Янь отобрал у него нож. А потом ему пришлось изображать «милого сердцу любимца» и тесно общаться с Хо Янем...

Он думал, что всё продумал. Первая реакция была ошибочной, но потом, поразмыслив, он решил, что всё делает правильно. Оказалось, всё было не так. Хо Янь узнал его с первого взгляда и просто подыгрывал ему!

Он что, держит его за ребёнка? Думает, ему нравится играть, и поэтому потекает ему во всём?

Какой негодяй, какой негодяй, как можно быть таким негодяем!

Встретившись с насмешливым взглядом Хо Яня, Гу Тин не нашёлся, что возразить. Человек ему так подыгрывал, а он ещё и недоволен?

Он кашлянул пару раз и неуклюже сменил тему.

— Теперь, когда я думаю об этом, меня, скорее всего, никто не использовал. — Домой он

вернулся сам, лошадь тоже вывел сам. — То, что я отдал тебе Сяо Хуа, вероятно, увидел кто-то с дурными намерениями.

Хо Янь кивнул. Он думал так же.

— В то время за мной следили.

Раз уж та война была ловушкой, то для того, чтобы всё прошло по плану, заговорщики должны были приставить к каждой ключевой фигуре своих людей.

Гу Тин нахмурился.

— Но почему сказали, что я помог северным Ди?

— Потому что они хотели, чтобы я своими глазами увидел трагическую картину, но не успел спасти ни одного человека, — лицо Хо Яня стало ледяным. — Сяо Хуа была не самой быстрой лошадью, но её скорости хватило ровно настолько, чтобы я прибыл в самый нужный момент.

Вот оно что.

Гу Тину было жаль, что он не смог помочь Хо Яню больше.

Исход той войны был предрешён, но Хо Янь до сих пор молчал, очевидно, так и не поймав главного виновника. Правда оставалась скрытой. Любая деталь шестилетней давности была важна. Если бы его использовали, он мог бы вспомнить, с кем встречался, о чём говорил. Но всё было лишь случайностью...

Шпион Цин Сунь. Был ли это он, кто следил за Хо Янем тогда? Или кто-то другой? Сегодня уже пятый день. Цин Сунь может начать действовать. Надеюсь, на этот раз всё пройдёт гладко.

— Я ещё не поблагодарил тебя официально, — Хо Янь сложил руки и поклонился. — Спасибо тебе за лошадь.

Сердце Гу Тина сжалось от непонятного чувства.

Оказывается, у времени есть своя красота. Иногда ты просто не знаешь или забываешь, что жемчужины, оставленные в прошлом, всё ещё там, нужно лишь протянуть руку и подобрать их.

Они смотрели друг на друга. Мягкий снег таял на ресницах. Атмосфера должна была быть тёплой, нежной, драгоценной. Но неизвестно почему, то ли от слишком горячего взгляда Хо Яня, то ли от слишком быстрого биения собственного сердца, Гу Тину стало не по себе.

— Тогда... тогда почему ты не сказал мне всё сразу? Это что, такая тайна?

Он смотрел сердито. Хо Янь на мгновение замер.

— Это могло спугнуть зверя.

Гу Тин прищурился.

— Ты сомневаешься в моих актёрских способностях?

Какое ещё «спугнуть зверя»? В его исполнении это превратилось бы в «закинуть наживку»!

Хо Янь почувствовал неладное и тут же покачал головой.

— Нет, ты всегда всё делал превосходно, безупречно.

Глаза Гу Тина сузились ещё опаснее.

— Значит, ты сомневаешься в моих силах.

Он что, такой бесполезный?!

Хо Янь молчал.

Инстинкт самосохранения заставил его резко сменить тему.

— Тогда... времени было мало, я боялся, что, сказав слишком много, всё испорчу. И беспокоился, что тебе будет неловко.

— А сейчас мне не неловко?!

Гу Тин покраснел до кончиков ушей. Этот человек делает это нарочно, нарочно! О боже, что он натворил за эти дни? Мучил людей, которых Хо Янь приставил его охранять, игнорировал самого Хо Яня, избегал его, даже не подумал о Ю Дачуне и попался, так что Хо Яню пришлось его спасать!

Мелочный и недалёкий, жалкий и смешной!

Видя, что ни одно слово не помогает, Хо Янь решил просто признать свою вину.

— Прости, я был неправ.

Он признал вину так быстро и решительно, что у Гу Тина перехватило дыхание.

— Значит, это я капризничаю?! Я тебя до такого довёл?!

Хо Янь молчал.

— Я был неправ, не сердись.

Гу Тин сверкнул на него покрасневшими глазами.

— И всё?! Признал вину — и дело с концом?! Если бы извинения всё решали, зачем тогда нужны чиновники?!

Хо Янь подумал, что в этом есть смысл. В его армии за любой проступок, большой или малый, полагалось наказание.

— Можешь наказать меня палками.

Гу Тин стиснул зубы.

— Где я тебе сейчас найду палки?! Ты нарочно, да?!

Хо Янь достал из сапога острый кинжал и протянул Гу Тину.

— Возьми.

Гу Тин швырнул кинжал на землю, окончательно выйдя из себя.

— Я что, должен тебя убить?!

Юноша так разозлился, что его глаза налились кровью. Он был похож уже не на котёнка, а на маленького львёнка.

И так не так, и эдак не эдак. Хо Янь, не зная, что делать, присел на корточки, слепил снежок и протянул Гу Тину.

— Ударь меня. Этим.

Гу Тин сверкнул на него глазами.

— Думаешь, я не посмею?

Не успел он договорить, как снежок уже полетел в Хо Яня.

Снежок ударился о грудь Хо Яня и с громким хлопком разлетелся на тысячи снежинок. Выглядело это очень эффектно, но Хо Яню было совсем не больно! А он даже не уворачивался!

Как же это бесит, бесит, бесит!

На этот раз Гу Тину не понадобилась помощь Хо Яня. Он сам слепил снежок и швырнул в него.

Ненавижу, ненавижу, ненавижу, как можно быть таким невыносимым!

Хо Янь молчал.

Ладно, пусть львёнок играет, если ему так хочется. Лепить снежки — это даже мило.

Он знал, что поступил неправильно, обидел малыша. Малыш не кричал, не плакал, а тихо дулся. От этого ему было не по себе. А теперь, когда малыш свирепо его колотит, на душе стало теплее.

Только тот, кто готов простить и сблизиться, ведёт себя так — капризничает, показывает свой характер.

Какой же он ласковый.

Хо Янь улыбнулся.

Его улыбка разозлила Гу Тина ещё больше. Чего смеёшься, не смей смеяться, а-а-а!

Думая, что Хо Янь смеётся над ним, Гу Тин атаковал ещё яростнее. В конце концов, он уже не разбирает, что попадает в снежки, и швырнул в него даже свою нефритовую подвеску.

Хо Янь поймал снежок, разломил его. Знакомый узор, знакомый, не самого лучшего качества нефрит. Но в его глазах он был родным и милым.

На этот раз я тебе его не верну.

Гу Тин не заметил этого жеста. Он долго швырял снежки и совсем выбился из сил, а Хо Яню — хоть бы что!

К нему вернулся разум. Гу Тин почувствовал себя одновременно злым и смущённым. Что с ним такое, что за позор он только что устроил, а-а-а-а! Как же это раздражает!

Гу Тин сел на землю, обхватил колени и спрятал в них лицо. Он не хотел никого видеть.

— Я знаю, что ты мне помогаешь.

Хо Янь присел рядом. Его голос, подобный шуму ветра в соснах, прозвучал совсем близко.

— Эта игра очень опасна. Ты уверен, что хочешь в неё ввязаться?

Это прозвучало как вызов. Гу Тин тут же поднял голову и свирепо посмотрел на него.

— Ко-неч-но!

<http://bllate.org/book/15878/1587126>